

A 213
2129

Н. В. Волковъ.

Volkov, Nikolai' Vladimirovich.

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ КОМЕДИИ.

Ф 662

731

628986 1605863

I.

ЗАВИСИМОСТЬ „РЕВИЗОРА“ ГОГОЛЯ

отъ комедии Квитки

„ПРИБЫЖАЙ ИЗЪ СТОЛИЦЫ“.

— История —

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.

1899.

891.78
G6r0
V92
1899a

Н. В. Волковъ.

21
КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ КОМЕДИИ.

I.

ЗАВИСИМОСТЬ „РЕВИЗОРА“ ГОГОЛЯ

отъ комедии Квитки

„ПРИБЫЖИЙ ИЗЪ СТОЛИЦЫ“.

~~— МОСКОВСКАЯ —~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

1899.

61-294711

Дозволено цензурою. Слб., 5 ноября 1898 г.

30124-50

Литературное произведение представляет собою явление, создаваемое двумя главными производителями: во-
1-хъ, самостоятельными творческими силами ума и ху-
дожественной фантазии, орудующими надъ материаломъ,
добытымъ посредствомъ наблюденія и изученія, и, во-
2-хъ, заимствованіемъ, въ той или другой мѣрѣ, уже
созданныхъ идей или образовъ, какъ и приемовъ ихъ
выраженія. Какъ продуктъ творческихъ силъ человѣка,
литературное произведение можетъ быть естественно
сопоставляемо съ продуктами творчества природы, на-
равиѣ съ которыми оно подчиняется известнымъ или
неизвестнымъ намъ законамъ, и подобно тому, какъ
природа, производя органическое или неорганическое
тѣло, какъ бы задаетъ пытливому уму человѣка загадку,
разгадать которую онъ силится съ помощью могучаго
анализа и не можетъ достичнуть безъ изслѣдованія эле-
ментовъ, его образующихъ, такъ и влодь литературнаго
творчества только тогда можетъ получить всестороннюю
правильную оценку и освѣщеніе, когда онъ будетъ изу-
ченъ со стороны своихъ творческихъ элементовъ и про-
цесса создания. Только при этомъ условіи могутъ вполнѣ
открыться истинный смыслъ и значеніе многихъ сто-
ронъ произведенія, до тѣхъ поръ толкуемыхъ, весьма
произвольно и гадательно, подчасъ даже невѣро, и
только тогда наши выводы приобрѣтутъ точность и
устойчивость.

Указывая на это, я вовсе не хочу сказать, чтобы безъ такого генетического изучения невозможно было высокое наслаждение художественными произведениями. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не наслаждаемся мы красотою, въ чёмъ бы она ни проявлялась, и безъ проникновенія въ составъ явившаго ее вещества: глубина, красота и прелестъ Моцарта ощущается и тѣми, кто не имеетъ понятія о музыкальной гармонизаціи звуковъ, какъ и игра брилліанта одинаково хороша для взора и тѣхъ, кто его не знаетъ. Но если бы мы не удовольствовались созерцаніемъ одного вѣнчаного проявленія красоты, а вооружїнъ анализа отыскали бы скрытые законы организаціи и постигли всю доступную тайну произведения, тогда бы мы не только получили въ награду вѣрное пониманіе его, но и само художественное наслажденіе стало бы гораздо цѣльнѣ.

Трудная задача полного истолкованія художественныхъ произведений значительна, была бы облегчена, если бы для каждого произведения возможно было хоть до нѣкоторой степени опредѣлить матеріалы автора и ближайшіе источники, бывшіе у него подъ рукою, и установить путь, которымъ оно слагалось. Но на дѣлѣ это оказывается чрезвычайно труднымъ, даже просто невозможнымъ. Обыкновенно передъ критиками и исследователями лежитъ одно само законченное созданіе въ той формѣ, въ которую оно облечено, пройдя все предварительныя, въ большинствѣ случаевъ, весьма многосложныя ступени, а вся черновая работа автора, вѣроятно, еще неясная очертанія образовъ, наброски, эскизы, первоначальная планировка и вѣроятнѣйшая видоизмененія, какъ и самыя матеріалы и источники, остаются совершенно неизвѣстными, скрытыми отъ исследователя. Отсюда обыкновенно рождаются всевозможные предположенія, всякия построения, противорѣчивые выводы, съ виду одинаково справедливые, вы-

сказываемые признанными и непризнанными литературными судьями сообразно съ личными ихъ вкусами, убѣжденіями, теоріями и направленими.

Едва ли я погрешилъ противъ правды, если скажу, что ни одинъ писатель не изучилъ въ процессѣ его работы, даже по отношенію къ самымъ известнымъ произведеніямъ, конечно, отчасти потому, что только въ недавнѣе время стали цѣнить и издавать первоначальные наброски и первыя редакціи важнѣйшихъ произведеній. Если и появлялись подобные материалы въ прежнее время, то имъ не придавали иного значенія, чѣмъ исправки или новыхъ варианты для этихъ произведеній, какъ это было, напримѣръ, съ рукописными текстами „Горе отъ ума“ Грибоѣдова, „Евгения Онѣгина“ Пушкина и „Демона“ Лермонтова. Одни письма авторовъ и воспоминанія объ нихъ близкихъ или знакомыхъ съ ними лицъ служили огромнымъ и неизмеримъ колодцемъ, изъ котораго доставали въ громадномъ количествѣ и чистую и грязную воду, первѣко одинаково ненужную и зачастую одинаково неподходящую къ истинѣ. Тѣмъ болѣе, должны мы дорожить вѣтъмъ тѣмъ, что хоть немного помогасть уяснить то или другое выдающееся произведеніе, въ особенности изъ числа такихъ, которыхъ общепризнаны самыми замѣчательными, блестящими проявленіями русскаго творчества, къ каковымъ, между прочими, принадлежитъ и комедія Гоголя „Ревизоръ“.

Первый вопросъ, самый естественный, но въ то же время существенный и необходимый, безъ того или иного решенія котораго невозможна вполнѣ правильная оценка произведеній,—это вопросъ объ оригинальности произведеній: самостоятельно ли оно, или подражательно? а если оно дѣйствительно не совсѣмъ самостоятельно, то какимъ оригиналамъ оно подражало и какова степень зависимости? Само собою разумѣется, наиболѣе полный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ мочь

бы дать самъ авторъ произведенія, которому ближе всѣго извѣстны тайны его созданія, но мы крайне рѣдко встрѣчаемъ ихъ собственныя указанія на заимствованій при произведеніяхъ, не представляющихъ собою переводъ или явной передѣлки и подражанія, и даже не находимъ авторскихъ указаний общаго свойства для точнаго пониманія тѣхъ [или другихъ] сторонъ ихъ произведеній. Нельзя думать, чтобы сами производители такъ безотчетно слагали свои произведенія, что оказывались не въ состояніи уяснить себѣ весь ходъ ихъ созиданія. Вѣрѣте, это проиходитъ оттого, что у многихъ изъ авторовъ вовсе не бываетъ охоты какъ бы вновь разбираться въ произведеніи и подвергать себя труду двойного процесса, всецѣло представляемаго изслѣдователю и критику; а другіе не настолько самоотвержены, чтобы откровенно указывать источники или оригиналы своихъ твореній, которые зачастую бываютъ такъ скрыты отъ изслѣдователей и критиковъ, что последніе имѣло не сомнѣваются въ оригинальности этихъ минимо-самостоятельныхъ произведеній. Вотъ едѣ является существенная необходимость въ литературной критикѣ.

Комедія Гоголя „Ревизоръ“, гордость нашей драматической литературы, въ теченіе 60 лѣтъ со времени своего появленія въ свѣтъ подвергалась такому всестороннему разсмотрѣнію, что, казалось бы, изученіе ся могло бы считаться законченнымъ, но въ дѣйствительности этого неѣть: изслѣдованіе и критика касались почти исключительно общественнаго значенія комедіи и ея художественности, оставляя безъ вниманія ея литературную сторону, какъ это было и съ комедіей „Горе отъ ума“. Вопроѣ о литературной связи этихъ комедій съ предшествовавшимъ имъ произведеніями ни разу не ставился на научную почву, и нельзѧ указать ни одной статьи, которая давала бы болѣе или менѣе цѣльныя указанія на то, представляютъ ли собою эти комедіи

необычайные плоды ничемъ не обусловленнаго творчества, или онъ являются созданіями безспорно талантливыми, но тѣсно, непосредственно связанными съ прошлымъ.

Называя комедію „Ревизоръ“ самостоятельнымъ произведениемъ, давая ей эпитеты „оригинальная“, „оригинальнѣйшая русская комедія“, обыкновенно руководится не историко-литературными разысканіями, а скорѣе многократными разыясненіями съ автора и установленными преданіемъ.

Посмотримъ, обладаютъ ли полной достовѣрностью въ нашемъ вопросѣ оба эти основанія.

Болѣе 10 лѣтъ Гоголь не переставалъ снабжать свою знаменитую комедію разнообразнейшими замѣчаніями, разбросанными и въ его письмахъ, и въ предисловіяхъ къ комедіи, и въ наставленіяхъ актерамъ объ игрѣ ролей и постановкѣ пьесы, и въ добавочныхъ комедіяхъ, всѣцѣю посвященныхъ „Ревизору“, какъ „Театральный разѣздъ“, „Развязка Ревизора“, „Дополненіе къ Развязкѣ Ревизора“, и, наконецъ, въ „Авторской исповѣди“. Ни одно произведеніе не дѣжалось у Гоголя предметомъ такихъ заботъ и тревогъ, какъ „Ревизоръ“, точно онъ самъ чувствовалъ, что, при вѣхѣ его истолкованіяхъ, все еще остается кое-что недосказанное, нуждающееся въ поясненіи. Литературные враги его, въ родѣ Надѣвого, даже подсмѣшивались: „развѣ Шекспиръ только могъ бы такъ писать о себѣ и о своихъ твореніяхъ и такъ говорить о характерѣ своего Гамлета, какъ Гоголь говорить о характерѣ Хлестакова“¹⁾.

Но, отражая на себѣ измѣнчивыя настроенія Гоголя въ различные періоды его жизни, эти многочисленныя толкованія не устанавливаютъ точно определеннаго взгляда на комедію. Судя по первоначальнымъ отзывамъ, онъ хотѣлъ указать на жизненность пьесы, изображенія

¹⁾ „Русский Вѣстникъ“, 1842 г., I, стр. 62.

тепѣ самое дѣйствительность со всемъ правдою и злостью; „Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ, писать Гоголь Мих. Сем. Щепкину, въ апрѣль 1836 г., вскорѣ посѣтъ первого представленія „Ревизора“: малѣйший призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлья сословія. Вообразяю, что же было бы, если бы я взять что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ болѣе и лучше теперь знакома, нежели провинціальная“¹⁾).

Недѣли двѣ спустя, передъ отѣзdomъ заграницу, Гоголь указывалъ Ногодину, что „писатель современный, писатель комический, писатель и право въ долженъ быть подальше отъ своей родины. Пророку иѣть славы въ отчинѣ“. „Что противъ меня, продолжаетъ Гоголь, уже решительно возстали теперь все сословія, я не смущаюсь, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь; когда видишь, какъ ложно, въ какомъ не вѣрию видѣши все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрио и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: Мы не плуты. Но Богъ съ ними!“²⁾.

Въ діалогѣ же „Развѣзка Ревизора“, написанномъ въ октябрѣ 1846 года, Гоголь, устами первого комического актера, придастъ совершение иное, иносказательное, значеніе „Ревизору“: по его мнѣнію, „передъ зрителемъ душевный городъ каждого изъ насть, въ которому безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей; Хлестаковъ — вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная и обманчивая, а настоящій ревизоръ — это проснувшаяся совѣсть, ко-

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, издание П. А. Кулиша, т. V, стр. 254.

²⁾ Тамъ-же, стр. 256.

торая заставитъ чашь вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя и передъ которой ничто не укроется¹).

Трудно лучше выразить и недоумтіе передъ такимъ мистическимъ толкованіемъ и сознаніемъ, чѣмъ это сдѣлать известный московскій комікъ Щепкинъ, замѣчательно исполнявшій роль городничаго. Ось письмо къ Гоголю въ маѣ 1847 года: «Протя ванше окончаніе „Ревизора“ („Развѣзку Ревизора“), я бѣзпечая на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ герояевъ „Ревизора“, какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ много знакомаго, такъ родного, я такъ смыкался съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы ихъ мѣрѣ заѣмите? Оставьте мѣрѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Не давайте мѣрѣ никакихъ намековъ, что это де не чиновники, а наши страсти, иѣть я не хочу этой передѣлки; это люди, настоящіе, живые люди, между которыми я взросъ и почти состарѣлся. Видите-ли, какое давнѣе знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное жесто, въ одну группу; съ этимъ въ десять лѣтъ я совершенно сработался, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣть, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Но если меня передѣлываютъ хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и ось мѣрѣ дорогъ»²).

По всей вѣроятности, этотъ горячій отвѣтъ Щепкина заставилъ Гоголя умѣрить свое странное толкованіе въ вышедшемъ во второй половинѣ 1847 года „Дополненіи

¹) Соч. И. В. Гоголя, изд. Тихонравова, т. III, стр. 366—367.

²) М. С. Щепкинъ, „Записки и письма“, 1864 г., стр. 190—191.

къ Развязкѣ Ревизора", где онъ снимаетъ съ своей комедіи аллегорію и отказывается признавать ее какой-то нравоучительной проповѣдью. „Нѣтъ,—говорить Михаилъ Михаилъ, соответствующій первому комику въ самой „Развязкѣ",—дѣло автора было изобразить просто ужасъ отъ беспорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ,—собрать въ кучу все, что есть похоже на нашей землѣ, чтобы его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ картинахъ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ беспорядковъ прояпалъ бы его насквозь всего. Вотъ, что онъ долженъ быть сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить „нравоученіе" ¹⁾.

Возвращаясь еще разъ къ „Ревизору" въ „Авторской исповѣди", относящейся къ концу 1847 года, Гоголь подтверждаетъ эту цѣль своей комедіи — „собрать къ кучу все дурное въ Россіи, какое только ему было известно, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ яѣстахъ и въ тѣхъ слукахъ, где больше требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ постыдиться сильно надъ всѣмъ, что дѣйствительно достойно осмеянія всеобщаго" ²⁾). Если сюда при соединить признаніе Гоголя, что онъ никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства; что у него только то и выходило хорошо, что взято было нѣкоторые изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, ему известныхъ; что угадывать человѣка онъ могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его видимости; что, наконецъ, онъ никогда не писалъ пор-

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, изд. Тихонравова, т. III, стр. 371—372.

²⁾ Тоже, т. V, 274.

трета, въ смыслѣ простой копіи, по создавалъ портретъ, и линіи сплошю соображенія, а не воображенія" ¹⁾), то придется считать, что "Ревизоръ" есть произведение, и самостоятельное задуманіе Гоголя, и исключительно основанное на непосредственномъ знакомствѣ съ изображеніемъ въ этой комедіи привычальному жизнью и выполненное по собственному его плану. Но при такихъ условіяхъ творчества можно получиться только создание, вполнѣ соответствующее идѣи автора, въ такой идентичности съ такою вѣрностью воспроизводящее его образы, что не допустимы два рѣзко различающихся пониманій. Нельзя думать, чтобы такой поэтъ-художникъ, какъ Гоголь, оказался въ противорѣчіи съ собою, чтобы рука его изобразила бы не то, что намѣтило его гениальное соображеніе. А между тѣмъ это и случилось съ комедію Роголи: вместо воплощенія тѣхъ высокихъ, исполненныхъ истины и ужасающаго величія мыслей, которыхъ, какъ писалъ онъ Ногодину, волновали его и, точно небесныя гости, наводили на него божественные минуты въ тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку ²⁾), явилась на сценѣ комедія, которую приняли за легкій фарсъ и разыграли, какъ обыкновенный водевиль.

Векорѣ послѣ первого представленія "Ревизора" въ Петербургѣ Гоголь записалъ себѣ: "Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тѣгостное облекло меня. Мое же созданіе мѣхъ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое... Съ самого начала представленія шеесы я уже сидѣть въ театрѣ скучный. О восторгѣ и приемѣ публики я не заботился. Одного только суды изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,— и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себѣ я слы-

¹⁾ Сочиненія, т. V, стр. 282.

²⁾ Кулишъ, соч. и письма къ В. Гоголю, т. V, 127.